

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 11.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
I. Нефедовскій починокъ. (Разсказъ). Н. Наумова	1
II. Памяти Некрасова. (Стихотвореніе). Мартова.	38
III. Ножиковъ. (Очеркъ изъ солдатскаго быта). В. П.	39
IV. Взглядъ крестьянъ на школу. Тредьякова	67
V. Бурлячина. (Изъ деревенской жизни). Н. Курбатова	82
VI. Къ роднѣ! (Стихотвореніе). А. Брусиловскаго.	113
VII. Поѣздка въ американскія поселенія русскихъ меновитовъ въ штатъ Кэнзэсъ. (Изъ путешествія по Америкѣ въ 1878 г.). И. Дементьева.	114
VIII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальян- скаго. В. Зайцева (Приложеніе)	449—512
—	
IX. Оренбургская Окранпа. Н. А. Баратынскаго	1
X. Внутреннее обозрѣніе	31
XI. Химикъ въ области социологіи. (Объ условіяхъ развитія за- водскаго дѣла въ Россіи. Д. Менделѣева). —ома.	66
XII. Новыя книги: I. С. Капустинъ, Что такое поземельная об- щина? Выводы изъ «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины».—II. А. Титовъ, Воржская волость. Историческій и статистическій очеркъ.—III. Люди труда и сильной воли. (Изданіе редакціи журнала «Родникъ»).	73
XIII. Бѣлинскій въ наше время. (Замѣтка о Бѣлинскомъ). С—ома.	79
XIV. Объявленія	92

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.

1882.

Поездка в американские поселения русских менонитов в штате Канзас.

(Из путешествия по Америке в 1878 г.).

На самой границе штатов Канзас и Миссури, на берегу р. Миссури стоит город Канзас Сити, после Ст. Луи второй по числу жителей и торговым оборотам город Нового Запада. Еще не прошло и двадцати лет, как положено основание этому городу, а ныне в нем уже свыше 50 тысяч жителей, и к нему сходятся с разных концов Союза 12 железных дорог; а посредством рек Миссури и Миссисипи он завязал уже непосредственные торговые сношения и с портами Мексиканского залива, Южной Америки и Европы. В роскошном здании Соединенного Депо (Union Depot) всех железных дорог города, я пересел в вагон Э. Т. и С. Ф. железной дороги, и, следуя все время южным берегом реки Канзаса, прибыл в г. Топику, столицу штата. Главную особенность всех больших линий американских железных дорог составляет то, что они всегда идут долинами рек, следуя их изгибам; расчетливые янки нашли, что дешевле и скорее строить мосты, чем насыпать гати и делать выемки. Вся местность до Топики и дальше до городка Емпория густо заселена и имеет совершенно одинаковый вид с старыми штатами— а гигантская растительность полей, прелест-

ные сады, окружающие каждую ферму, красивая и разнообразная архитектура построек, огромные стада крупного, тучного скота— все говорит о богатстве и энергии населения. Совершенно ровная поверхность необъятных прерий, только кое-где прорезываемая кустарником по берегам рек и ручьев, позволяет окинуть из окна вагона огромное пространство, и все, что только может окинуть глаз, все возделано и покрыто богатейшими жатвами. Нет лесов, болот, пустырей—бесконечная степь разнообразится только маленькими усадьбами ферм с темными садами, да разными цветами посевов — то зеленой стеной стоит восьми-футовой маис, то желтеет уже поспевшая пшеница, то пестреют тысячами разнообразнейших цветов отгороженные под постоянные пастбища участки прерий. Станции и полустанки попадаются каждые 3, 4 мили — всюду громадные элеваторы для хранения зерна и остроумнейшие приспособления для нагрузки в вагоны рогатого скота и свиней. Не смотря на частые остановки, поезд идет очень быстро, миль 40—45 в час, и, выехав из Канзас Сити около 9 часов утра, к 5 часам пополудни я уже достиг первого русского поселения в долине речки Kölnmönbyda (Cottounwood Valey). В четырех милях от железнодорожной станции стоит ферма Якоба Функа, одного из первых, прибывших сюда в 1874 г. из колонии Молочной, Таврической губернии, русских менонитов. Большой каменный дом, обширные сараи и амбары, прелестный фруктовый сад, виноградники и обширное овцеводство—вот результат четырехлетнего пребывания. Герр Функ — человек состоятельный; он поселился отдельно от своих прежних земляков, и, располагая большим количеством земли, дает у себя помещение 14 бедным семействам с Волги, прибывшим сюда в 1870 г. без всяких средств; они арендуют у него по 80 акров каждое семейство, платя работою, и надеются, что через год будут в состоянии обзавестись собственным хозяйством. Урожай пшеницы доходить здесь до 40 бушелей с акра; у герра Функа, включая сюда 1876 г. когда все было поедено саранчею, за четыре года средний урожай вышел в 22 бушеля; маис дает 60 бушелей, а сахарный тростник 100 бушелей семян и 150 галлонов сиропу, стоимостью от 40 до 60 центов за галлон. Каждая овца, шерстью и ягненком, приносит от 1 д. 50 ц. до 2 д. 10 ц. в год. Впро-

чем, ниже я буду говорить подробно о продуктивности здешних ферм.

Дальше к югу, на Френг-Крике (French-Creek—французский ручей) лежит колония Роганнесталь, основанная в 1576 г. менонитами из Польши. Тут живет до 30 семейств, уже организовавших школьный дистрикт и построивших прекрасное двухэтажное училище.

Колонией Гнаденау начинаются большие поселения менонитов в графствах Хервей в Мак-Ферсоне. Гнаденау образовали переселенцы из Крыма, прибывшие сюда в 1874 г. под предводительством Якоба Вибе, и здесь же был первый опыт применения русской общинной системы землевладения, потерпевшей на американской почве совершеннейшее фиаско и в настоящее время окончательно оставленной. В Гнаденау живет свыше сорока семейств; урожай пшеницы около 25 бушелей, маиса от 40 до 80 овса около 55. Школа выстроена уже в 1875 г., теперь окончена и церковь, но уничтожение общинной системы, переноска построек на отдельные участки и устройство новых садов повлекли за собой большие расходы, тяжело отозвавшиеся на благосостоянии только что устроившихся переселенцев — они потеряли три года и потому колония эта выглядит еще совершенно новым, только что основанным поселением. Рядом к Гнаденау расположены колонии Хоффнунгсталь, Александерфельд и Экерта, состоящие из 51 семейства и находящиеся в тех же условиях, что и Гнаденау.

В десяти милях к северу от Ньютона (Newton) главного города графства Хервей, расположен центр большого поселения менонитов из Крыма, известного под общим названием Александерволя и разделяющегося на 9 дистриктов: Розенорт, Вейдефельд, Хохфельд, Спрингфильд, Гнаденталь, Гнаденфельдт Грюнфельд, Эмматаль и Блауменфельд. Во всем Александерволе 165 семейств с 858 душами обоюго пола, занимающие 22,50 акров земли, только в Хохфельде было общинное устройство остальные сразу принялись за участковое землевладение. Все названия перенесены из России — так назывались в Крыму колонии, а общее название, по объяснению поселенцев, дано чтобы сохранить воспоминание о русском царе, дозволившем им переселиться.

Когда в 1873 году менонитам сделался известен новый закон о воинской повинности и эти 105 семей решились на переселение, они послали в Америку 7 человек, чтоб осмотреть новое отечество и выбрать подходящее для поселения место. Эти семь человек, из которых мне пришлось беседовать с Абрагамом Реймером из Хохфельда и Якобом Бюлером из Эмматаля, объехали весь запад Америки: как представители значительной партии эмигрантов, они всюду пользовались даровыми билетами и помещениями от тех железных дорог, земли которых они осматривали—выбор пал на долину Арканзаса, тогда еще почти совершенно пустынную, и вся земля под поселение этой партии была куплена у компании Э. Т. и С. Ф. железной дороги по 2 доллара за акр, на условиях 11-ти летнего кредита, причем компания обязалась выстроить в центре купленной местности два больших дома для временного помещения имевших прибыть поселенцев. В 1874 г. последовало переселение —дома были уже готовы, и слишком 800 душ поместились в них. Менониты решили поселиться общинами; кинули жребий, сначала между этими общинами, затем в тех из них, которые сразу решили перейти к участковому землевладению, между членами: в 2—3 месяца были построены жилища, и дикая прерия обратилась в густо заселенную страну; дома, выстроенные железнодорожной компанией, были обращены один в школу, другой в церковь, и жизнь нового поселения пошла своим путем. Средний урожай пшеницы в этой колоши 25 бушелей с акра; маиса — 40. Некоторые поселенцы сообщали мне об урожаях пшеницы гораздо выше среднего: в 1877 г. Генрих Штуль намолотил 45 бушелей с акра, Вильгельм Мелиссон 60, а Габриэль Вильде—63.

К югу от Ньютона расположена колония Михалина на Шельдоне, состоящая из 33 семей на 3500 акрах земли и прибывшая из окрестностей Бердянска в 1875 г. под предводительством Леонгарда Судермана, одного из наиболее уважаемых патеров в Кэнзэсе.

Следуя по железной дороге дальше на запад, в 15 милях я вышел в городке Хэльстеде (Halstead) основанном всего три года тому назад в считающемся теперь центром менонитских поселений в Кэнзэсе. "Западное общество журналистов" организовало здесь большую типографию, и теперь в Хэльстеде изда-

ются специально для менонитов две газеты на немецком языке, под названием «Zug Heimath»; одна из них — большое двухнедельное издание, другая — небольшой ежедневный листок, и выходят они в числе 8—12 тысяч экземпляров. Кругом Хэльстеда на расстоянии трех миль к югу и 20 миль к северу, менонитами из разных местностей России и Пруссии, куплено 48 тысяч акров — но тут нет той сомкнутости, как в предшествовавших колониях, и русские и пруссаки живут в перемежку с американцами и переселенцами из других стран; они не образуют отдельных общин и обамериканяются весьма быстро.

В 12 милях к северу от Хэльстеда расположена колония Хоффнунгсфельд, образованная менонитами с Волыни, прибывшими сюда под предводительством Якоба Стуки в 1875 году. Колония состоит из 60 семейств и занимает 8,400 акров земля.

Рядом с Хоффнунгсфельдом, к востоку и северу, расположено поселение Кантон, состоящее из менонитов из Польши, живших там в большой бедности и не имевших никаких средств к переселению. Американское Менонитское общество, к которому они обратились за помощью, дало им средства на переезд и первоначальное устройство в Америке. Колония эта состоит из 100 семейств, и расходы общества на нее превысили 20 тысяч долларов; кроме того, железная дорога даром перевезла и их самих, и их имущество, дала им бесплатные помещения на первую зиму и уступила землю на самых снисходительных условиях, в количестве 80 акров на семейство. Теперь колония несколько оправилась и имеет уже собственный школьный дом, стоивший свыше 700 долларов, и в котором учится до 150 детей.

Дальше к западу, в графстве Рено, расположилось большое поселение менонитов из Крыма, прибывших одновременно с поселенцами Александерволя, и известное под общим названием Хоффнунгс-Ау. Эта колония прибыла под предводительством Дитриха Геддерта и Гейнриха Ригера, и поселилась частью на железнодорожных, частью на правительственных землях по рекам Малому Арканзасу и Тюрки-Крику; поселения идут тремя параллельными линиями, приблизительно в 12 миль длины, к северу от железнодорожной станции Бёртона до городка Мак-

Ферсон Центр, главного города графства того же имени, и носящими названия Джермен Стрит (German Street), Смитз Ляйн (Smith Line) и Джонсон Стрит (Johnson Street). Несколько к западу от этих линий расположились отдельно колоши Францталь и Классена. Во всей этой группе живет слишком 200 семейств, занимающих более 25,000 акров земли. Средний урожай пшеницы от 15 до 25 бушелей, у Геддerta 27, у Андре—35, maximum 40; овса среднее 45, maximum 75, ржи 25, маиса от 40 до 75 бушелей.

Еще дальше к западу, в графстве Рёшт (Rush County), Русское Графство, в долине реки Уольнута (Walnut Valey) расположилась колония Гнаденталь, прибывшая сюда под предводительством Августа Ханхарда в 1876 году и состоящая из выселившихся за недостатком земли членов раньше упомянутой колонии Александерволь, в числе 30 семейств. Урожай пшеницы в 1877 году был не менее 20 бушелей с акра, maximum 35.

В десяти милях к северу, поселились немцы-лютеране с Волги, занявшие правительственные земли и только что построившиеся.

В девяти милях к западу от городка Грит-бенд (Great Bend) железнодорожной станции и главного города графства Бэртон, открыта недавно станция Поупи Рок (Pawnee Rock), кругом которой, в графстве Рёшь, на расстоянии 2—10 миль, поселились менониты с Волыни в числе 37 семейств, прибывшие в 1876 году и поселившиеся на правительственных и школьных землях. Урожай пшеницы от 25 до 33 бушелей, маиса около 55, овса около 50 бушелей.

Графство Рёш и главный город его, Рёш Центр, отстоящий приблизительно на 20 миль от железной дороги к северу, населены преимущественно меннонитами из России, но они прибывали сюда в разное время небольшими партиями, расселились незначительными группами или в одиночку, и не составляют таких сплоченных общин, как выше перечисленные.

Я поименовал все, более или менее значительные центры; множество других, меньших колоний и отдельных семей поселилось в разных местах долины Арканзаса, и конечно нет надобности перечислять каждое такое поселение, тем более, что все они имеют совершенно одинаковый характер. Дольше всего я пробыл в колонии Александерволе, и большею частью сведе-

ний обязан Якову Бюлеру, пастору и предводителю этой колонии человеку очень серьезному и имеющему огромное влияние на свою паству.

Наружный вид меннонитских ферм довольно однообразен— каждая усадьба в громадном большинстве случаев состоит только из двух построек: жилого дома и сарая или амбара— по местному барн (barn). Жилые дома большею частью деревянные, в 2 или 1 1/2 этажа и 5 или 6 комнат, выкрашены снаружи белой краской, с зеленою, крытою деревянным гонтом, крышею и зелеными же ставнями. Отличительную их особенность составляют кирпичные русские печи, отапливаемые соломой; меннониты не захотели покупать обыкновенных американских чугунных печей, отапливаемых покупным каменным углем и сохранили свои русские; практичные янки ясно видят их преимущество, и теперь эти печи можно видеть в домах Арканзаса и в домах чистокровных янки. Барн — тоже обыкновенно двухэтажная постройка, в которой внизу стойла для лошадей и помещение для машин, а верхний этаж служит складом зерна и мелких принадлежностей хозяйства. На каждой ферме непременно фруктовый сад и виноградник; яблони, груши, и, главным образом, персики, а виноград принадлежит к числу мелких синих сортов. Посадка такого сада стоит очень дешево и не требует особых хлопот —саженцы получаются из больших питомников около Ст. Луи по три Доллара за сотню с доставкой на ближайшую железнодорожную станцию, и уже на третий год дают плоды, а виноград разводится отводками, которые втыкаются прямо в землю и растут без всяких подпор, стелясь по земле. Живые изгороди из кратегуса и других колючих растений уже на третий год представляют непроходимую преграду не только для скота, но и для самого хозяина; в некоторых местах употребляют проволочные огороды, на деревянных, из железного дерева, столбах. Рабочий скот составляют волы, лошади и мулы. Эти последние считаются лучшими рабочими животными, и цена на них доходит до 200 дол. за штуку. Лошади принадлежать или к кентёккской породе, или к техасским мустангам. Первые представляют нечто в роде наших битюгов, только с более тонкими формами, напоминающими стати английской лошади; штат Кентукки занимается

преимущественно коневодством и поставляете лошадей во все другие части союза; цена их колеблется от 75 до 150 дол. за штуку, и пары таких коней совершенно достаточно для работы тяжелой самовяжущей жатвенной машины или двухлемешного плуга с сиденьем. Мустанги гораздо мельче и дешевле; пригоняются они из Техаса, Нью-Мексико и Аризоны огромными табуньян в 5—6 тысяч голов, и продаются на выбор по 25 дол. за штуку; употребляются преимущественно для верховой и экипажной езды, так как очень выносливы и крепки. Волы попадают сравнительно редко, только у самых бедных поселенцев-пара их стоит долларов 60. Молочный рогатый скот представляет смесь всевозможных европейских пород; он очень крупен, хотя и не особенно молочен, и должен быть отнесен скорее к мясным породам, чем к молочным. Меннониты — хорошие скотоводы, как и все немцы; янки сразу заметили это, и уже в 1875 году некто Альберт Кран, богатый капиталист из Чикаго, купил в долине речки Коттонвуда, подле поселения герра-Функа, 6,400 акров земли и устроил тут хозяйство для разведения и продажи племенного скота. Ферма эта называется Дургэм Парк, лежит по обеим берегам реки, из 6,400 акров, 5,700 отгорожены под пастбища небольшими участками, так что одних огородов свыше 50 миль: на ферме 225 штук только что выписанного из Англии короткорогатого скота, некоторые экземпляры которого обошлись от 3 до 5 тыс. дол., до 200 штук скота из разных местностей союза, и сотня беркшайрских свиней, из которых некоторые плачены по 500 и даже по тысяче долларов. Помещения для скота идут по берегам реки, и составляют все вместе здание в 2,500 футов длины, при 16 футах ширины. На ферме 20 надзирателей и 60 рабочих, и дело развивается весьма быстро; и хозяин с большими барышами, и меннониты очень благодарны за возможность получить близко хороший племенной скот по недорогой, сравнительно, цене.

Овцеводство находится еще в зародыше; овцы герра Функа принадлежат местной породе и дают около 2 долл. дохода со штуки, причем расход на них крайне незначителен, так как редкую зиму приходится кормить их на стойле; большею частью он круглый год довольствуются пастбищным кормом.

Г. Водзуортз (Wadsworth)¹⁾ сообщил мне следующие результаты за первый год его занятия овцеводством: куплено 1,000 овец за 3,000 дол. и 15 баранов за 150 дол.; в течение года издержано на сено 75 дол., на устройство коралей или загородей 300 дол., убытку от павших овец 100 дол., стрижка и другие расходы 300 дол., пастуху 300 дол. Итого расходу 4,400 доллар. В течении года продано овец и ягнят на 2,000 дол. и шерстя на 1,200 дол., всего доходу 3,200 дол., причем стадо не уменьшилось ни на одну голову. Кир Фрей (Cyrgus Frye), почтмейстер в Лэрнеде, купил в прошлом году стадо в 478 голов за 1,075 дол., издержал на него 441 дол. и продал нынче за 2,885 дол. 85 цент., получив чистого барыша 1,369 дол. 85 центнер. Местные знатоки овцеводства утверждают, что здесь с успехом можно разводить и самые лучшие породы овец, причем доход со штуки может увеличиться до 5 дол. в год; владелец Дургэм Парка хотел в нынешнем году выписать партию испанских мериносов, и этим вероятно будет положено начало разведению тонкорунных овец, обещающему въ будущем большие выгоды населению этой части Канзаса.

Свиноводство составляет неотъемлемую принадлежность каждой фермы. В сущности, со свиньями здесь очень мало хлопот, они ограничиваются отведением известного участка земли, смотря по величине стада, с какойнибудь непересыхающей лужей или ручьем; участок этот тщательно огораживается, и туда садятся матки и борова. Чтоб свиньи не могли рыть землю, каждому животному вставляется в нос кольцо особой конструкции—огромная фабрика в г. Декатуре, штат Иллинойс, занимается исключительно фабрикацией этих колец, и продала их до 1877 года 44 милл., а в 1877 году—28.326,800 штук. Месяца за два до времени продажи хозяин начинает откармливать своих свиней немолоченными шишками маиса—этим и ограничиваются все заботы, так как остается только отобрать то количество приплода, которое хозяин намерен продать, и свезти его на ближайшую железнодорожную станцию. До сих пор цена на свиней была 10—12 дол. за штуку, теперь гораздо выше, так как канзас-

¹⁾ В графстве Edwad.

ская ветчина стоила здесь только 6 цент. за фунт, когда шла в Европу через Чикаго и Нью-Йорк, а теперь, когда пошла через Гальвестон, стоит 9—10 центов.

Домашние куры без всяких хлопот и корму выводит по три выводка цыплят в лето; яйца очень дешевы, и на рынках Ньютона и Упчиты цена на них редко доходит до 6 центов за дюжину. Значительным подспорьем домашнему столу фермеров служит степные курочки, в несметном количестве населяющие поля и прерии Канзаса; они не могут хорошо летать и их Бьют просто палками. На городских рынках можно их купить по 10 ц. за пару.

Основной продукт меннонитского хозяйства составляет озимая пшеница. Сеют правда и яровую, но очень немного, только на вновь вводимых в хозяйство участках, и цена на нее значительно ниже, чем на озимую. Высевается бушель на акр — о количестве прироста я уже говорил при перечислении поселений. Маису высевается менее полубушеля на акр; на продажу идет не больше половины, остальная часть идет на откорм свиней. Цены на маис невысоки—от 25 до 40 ц. за бушель. Овес сеется в незначительном количестве, и весь уходит на потребности хозяйства; да и цены на него очень низки, в Ньютопе напр. 2—20 ц. за бушель. Сахарный тростник ¹⁾ сеется в каждом хозяйстве, как для собственного упогребления, так и на продажу, и компетентные люди полагают, что когда меннониты вполне познакомятся с его производством, он неминуемо займет второе после пшеницы место в их хозяйстве. Затем сеется в небольших количествах брум корн (broom corn), растение, из которого готовят метлы и щетки; очень редко рожь и ячмень. Овощи все местные, даже картофель принадлежит к особому, сладкому виду. Дыни и арбузы растут без всякого ухода между маисовыми стеблями. Меннониты очень сокрушаются по всероссийской серой капусте—она совсем не может произрастать здесь, и вместо клубков обращается в толстые, де-

¹⁾ Sorghum, особый вид сахарного тростника, которому я не знаю русского названия. Из него прессами получается нечто в роде *сладкой* патоки, наз. моласси.

ревянистые стебли, так что им пришлось распроститься с серыми щами.

Меннониты—коренастый, рослый народ, большею частью выше 6 футов. Мужчины бреют усы и бороду; у большинства светло-русые волосы и голубые глаза. Язык и нравы—чисто немецкие; нельзя найти лучшего доказательства нашей полнейшей неспособности к обрусению других национальностей. Некоторые из меннонитов переселились в Россию еще при Екатерине Великой и жили среди русского народа больше ста лет —а кроме употребления серых щей да-русских печей остались немцами с ног до головы. Не надо забывать, что переселясь к нам в такие времена, когда не было еще никаких путей сообщения и даже почтовых сношений, они неминуемо должны были порвать всякую связь с родиной, следовательно на них не могли влиять и *те* задерживающие слияние причины, которые существуют в занимаемых, покоряемых странах, где первоначальный обыватель остается на своей земле и в своем доме. Сто лет прожили они среди русского народа—и незаметно ни малейшего влияния этого народа, хотя и очевидно, что сами они так и застыли на той степени цивилизации, которую когда то принесли с собой—даже плуги, которыми пахали их переселившиеся прадеды, остались и до сих пор без всякого изменения. Только четыре года прожили они в Америке—и влияние американского народа сказывается уже весьма чувствительно. Неугомонный янки успел уже заразить своею подвижностью и предприимчивостью даже этих невозмутимых сынов Тевтонии; не говоря о том, что все излюбленные приемы земледелия окончательно оставлены меннонитами, и они вполне усвоили Американские, в них проснулся уже дух предприимчивости, и многие, стряхнув с себя столетний мороз, занимаются уже торговлей и промышленностью. Втечении ста лет не могли они выучиться русскому языку—весьма многие не имеют о нем никакого понятия, да и говорящие, за немногими исключениями, весьма близко напоминают говорящего по русски польского жида; а в четыре года успели научиться английскому языку довольно изрядно, и не подлежит сомнению, что лет через десять, двадцать, когда перемрут старики, новое поколение совсем забудет немецкий язык и едвали будет заметно отличаться от окружающего их американского народа,

Переселяясь в Канзас, меннониты захватили с собой не только общину и нижегородские сундуки с красными букетами каких то невозможных цветов по синему полю, но и плуги, фургоны и даже мельничные жернова. Все это оказалось совершенно непригодным, как оказались непригодными и те жалкие приемы земледелия, к которым они привыкли в России. Неуклюжий, тяжелый русский колонистский плуг, в который они впрягали по 3 и по 4 пары волов, пришлось заменить здешним легким двухлемешным плугом, при котором, употребляя пару хороших кентеккийских коней или мулов, работник преспокойно сидит на особом сиденье, даже под зонтиком, чтоб не страдать от солнечных лучей; ручное жниво, на которое с изумлением смотрели Американцы, как па нечто до нельзя варварское и ужасное, переменили на легкую и веселую работу, опять таки под зонтиком, самовяжущей жатвенной машины, а тяжелые, скрипучие фургоны, сами по себе составляющие порядочный воз, на красивые и легкие вагоны на лежачих рессорах. Я уже имел случай заметить, как плачевно окончилось общинное землевладение в Гнаденау, Хохфельде и некоторых других поселениях—теперь сообщу подробности. Обыватели Гнаденау купили 9 сенций земли, т. е. 9 квадратных миль, расположенных правильным квадратом, каждая сторона которого равняется 3 милям или 4 1/2 верстам. На средней, центральной секции, было выстроено поселение и вся земля разделена полосами, причем, так как по участку текут несколько ручьев и есть прудны, невозможно было избежать мелких заполоскав, необходимой принадлежности правильного дележа. Как только разнеслась по штатам весть о таком необыкновенном пользовании землею, к поселенцам нахлынули корреспонденты, репортеры, лаже землемеры: редакции крупных газет пожелали иметь точные планы полос делянок. Некоторое время вся Американская пресса была занята русскими комунистами—появилось бесчисленное множество журнальных и газетных статей и отдельных брошюр по поводу русской общины. Взвесив все шансы pro и contra, практичные янки единогласно порешили, что это дело не подходящее и убыточное, и вопрос был погребен на всегда. И действительно, в первый же год обыватели Гнаденау, несмотря на свою немецкую закорузлость и любовь к традициям, ясно увидели, что при общин-

ной системе в Америке хозяйничать невозможно. Во первых, нет паровых полей, а вся земля засеивается ежегодно; во вторых, возделываемые растения крайне разнообразны, и, в то время, как ячмень поспеивает в 6 недель, маис требует 4-х месяцев, а те, которые занялись скотоводством, сеяли маис в больших количествах и затрудняли этим доступ к полосам, засеянными зерновыми хлебами и делали невозможным утилизацию их, как пастбище, по снятии хлеба; в 3-х, некоторые машины как напр. самовяжущая жатвенная и культиватор маиса, оказались так велики, что не только работать, а даже проехать с ними по узкой полосе невозможно, а на устывовку на каждой полосе и переезды с одной на другую уходило слишком много дорогого рабочего времени; в 4-х, когда настало время молотить, пришлось свозить снопы в одно место, в деревню,—машина не могла выехать в поле, так как оно было засеивано разными родами хлеба и полосы владельца были раскиданы в разных местах по всему огромному пространству 9 секций земли, в 5-х... Да этих причин набралось такое бесчисленное множество, что несчастные заступники общинного начала не знали что и делать, пришлось разобрать деревню и вновь строиться на отдельных участках.

Выше я уже говорил, что колония Александерволь купила свою землю по 2 доллара за акр на условиях 11-го летнего кредита; почти все русские переселенцы, занявшие земли железно-дорожной компании, приобрели их на тех же условиях. Цены на землю в Америке стоят в зависимости от расположения относительно железнодорожных станций, и, главным образом, от степени заселенности страны; свойства почвы очень однообразны, так что в Канзасе напр. по качеству различаются только 2 рода земли: bottom и up lands. К первым принадлежат долины больших рек, иногда довольно широкие;—ко вторым—все прерии. Первые ценятся дороже по своей высшей производительности; но их так мало ¹⁾, как мало в средней полосе России пойменных сенокосов, и потому на рынке делается цена

¹⁾ На все 52 мил, акров, составляющих Канзас, на долю bottom lands приходится maximum 200 т. акров.

исключительно на up lands, на прерии. Те участки, на которых стоят теперь города Унчита и Ньютон, еще восемь лет тому назад, сравнительно, ничего не стоили; железная дорога продавала их по 1 д. 50 ц. за акр, а в настоящее время цена на места в 50X165 кв. футов, расположенные в центре этих городов, стоит около 300 дол. за место. Те земли, которым 4 года тому, назад колония Александерволь купила по 2 доллара на акр, стоят теперь 10—12 долларов, несмотря на то, что только 50 миль дальше к западу, за Грин Бендом, можно ИМЕТЬ сколько угодно такой же точно правительственной земли на основании homestead law, т. е. почти даром, а железнодорожная, близь линии, продается по 1 д. 50 ц. за акр. Очевидно следовательно, что цена зависит не от качеств почвы, а от удобств жизни в известной местности; берут дороже за то, что уже устроены дороги и мосты и выстроены школы и церкви.

Колония Александерволь, на 165 семейств, имеет 22 1/2 т. акров земли, след. в среднем, по 136 акров на семейство. Но земля разделена по семьям далеко не равномерно; иные владеют 320, другие только 80 акрами. Произошло это не вследствие значительной разницы в средствах семей, как можно бы было подумать, а потому, что меннониты и представить себе не могли того облегчения и ускорения земледельческого труда, которых достигли американцы: они полагали, что придется также брать все плечом и руками, как они делали в России, и малосемейные не рассчитывали, что будут в состоянии обрабатывать более 80 акров, тем более, что они слышали, что земля не пустует а обрабатывается вся каждый год. 80 акров—почти 30 дес; мало-мальски знакомый с русским сельским хозяйством читатель поймет, что, при ручном труде, особенно при жнитве руками, одинокий работник и думать не может о том, чтобы своевременно справиться с таким участком, особенно если он может весь засеиваться. Между тем, машины сделали то, что среднее американское хозяйство, обрабатываемое средствами одного семейства¹⁾ без какого бы то ни было займа со стороны, можно считать в 1/4

¹⁾ При этом необходимо заметить, что у природных американцев женщины никогда не работают в поле.

секции, 160 акров ¹⁾, а семья, в которой 2 или 3 работника, может свободно справиться с 300 и более акров. Меннониты, у которых и женщины работают в поле, скоро поняли свою ошибку, привыкшие работать по 15 часов в сутки в рабочую пору (тогда как ни один американец не работает более 10 час., а большинство только 8 час.) они, пользуясь машинами, имеют массу свободного времени, и те, которые уже догадались, в чем дело, продают свои маленькие участки соседям и перебираются далее на запад в графства Rush, Pawnee и Edwards, где берут по 320 и более акров. Двухлемешный американский плуг поднимает в 10 рабочих часов около 6 акров; а сезон посева озимовой пшеницы продолжается в Канзасе с первых чисел августа до последних октября, почти три месяца, причем это как раз такое время, когда фермера не отвлекают никакие другие хозяйственные работы, так как пшеница выжата и убрана в июне и июле, а поспевающий в сентябре маис оставляется в поле до ноября, когда его прямо с поля косят в свиную загородь; маис может стоять на корню всю зиму, ни сколько не теряя ни в качестве, ни в количестве, и та часть его, которая идет на продажу, молотится постепенно прямо с корня уже зимой. Самовяжущая жатвенная машина выжинает и вяжет, смотря по качеству хлеба, от 15 до 18 акров в день, следовательно, заменяет около 70 жнецов серпами. Ниже я буду иметь случай еще раз вернуться к тому изумительному облегчению земледельческого труда, которого успели достичь американцы—теперь же я полагаю достаточно ясным то обстоятельство, что при таких условиях земледелия 80 акров не могут занять всего времени отдельного семейства. Прибывшие сюда в 1876 г. и позже меннониты, благодаря опыту своих предшественников, избегли обеих их крупных ошибок—и общинного землевладения, и малых участков земли; в Rush Connty minimum купленного менонитом участка составляет 160 акров.

В Эмматале, одном из дистриктов Александерволя, я про-

¹⁾ Статистика землевладения Соединенных Штатов показывает, что у всех отдельных поземельных участков в Штатах, а следовательно и громадное большинство ферм, именно такой величины.)

жил довольно долго у колониста Якоба Смита, ближайшего соседа пастора Бюлера, и с его то хозяйством и хочу познакомиться читателя. Как уже выше мне приходилось неоднократно замечать, меннонитские хозяйства все ведутся по одному шаблону и потому достаточно познакомиться с одним из них, чтобы иметь возможность более или менее удовлетворительно судить и обо всех остальных.

По словам Бюлера, служившего посредником при обмене русских кредиток на американское золото, среднее количество денег у каждой переселившейся под его предводительством семьи за всеми расходами по переезду, было 700 долларов— у иных больше у иных меньше. Они заплатили за доллар по 1 р. 75 к., дорога обошлась со **ВСЕМИ** расходами по 100 кредитн. рублей на каждую душу, следовательно, считая семью в 5 душ, каждая семья вывезла из России по 1,725 р., не считая ценности движимого имущества, которое они захватили с собой почти все. У самого Бюлера было около 2,000 доллар., у Якоба Смита около 1.000, у большинства по 400, 500, а у некоторых и того меньше. Как я уже говорил, землю они купили по 2 доллара за акр, на условиях одиннадцатилетнего кредита; 9/10 всех поселенцев уже выплатили весь состоявшийся за ними долг, и все сожалеют, что, имея неосновательные опасения относительно трудности уплаты, не купили земли на условиях двухлетнего кредита, почему потеряли 20% уступки и заплатили 2 дол. вместо 1 дол. 60 ц. Постройка была заказана по одному шаблону большому торговому дому в Чикаго; за дом и барн с них взяли по 700 доллар., с разсрочкой уплаты на два года; за наличные деньги они могли бы получить те же постройки за 550 долл., так как за отсрочку с них взяли не менее 20% лишку. Дома были готовы через месяц по заказу, привезены по железной дороге в разобранном виде, и затем в несколько дней собраны уже на местах присланными торговым домом рабочими. Те, которые были победнее, заказали дома поменьше, в 2, 3 комнаты, и одноэтажные барн; таким постройки обошлись в 200—300 долл. Надо заметить, что дома продаются совсем готовые—с дверями, окнами и ставнями—остается только поставить печи.

Семейство Якоба Смита состоит из него самого, крепкого и здорового мужчины, лет 45, жены, коренастой немки, я шести

человек детей, из которых старшему сыну, теперь сильному и рослому молодцу, во время переселения было 14 лет; остальные малолетки, старшей девочке теперь лет 15. При поселении было куплено 160 акров, так что первый взнос за землю составил всего 52 дол. 16 ц. да задаток при заказе постройки 300 дол., так что у Смита оставалось около 600 долларов, на которые он должен был жить в ожидании первой жатвы и обзавестись рабочим и молочным скотом и машинами. За пару хороших лошадей, жеребца и кобылу он отдал 180 дол., за двух молочных коров 45 дол., за пару годовых телят, бычка и телочку 16 дол.; за 7 маток свиней и борова 85 дол., за кур, уток и другую домашнюю птицу 5 дол., так что скот обошелся ему в 338 дол., оставалось еще около 260. За семена разных хлебов пришлось заплатить около 75 дол.; а из машин за наличные деньги были куплены только плуг для ломки прерии за 22 дол. и некоторые другие, мелкие, как соломорезка за 8 дол. и чугунный насос для колодца за 6 дол.; остальные, крупные, а именно сеялки для зерновых хлебов и маиса, жатвенная машина, культиватор маиса, бороны и проч. были куплены в кредит, причем опять пришлось заплатить 10—20% лишку за отсрочку. Прибыли они ранней весной, так что Смит успел посеять около 40 акров яровой пшеницы, около 30 маису и около 5 овса—затем лето было употреблено на посадку сада и изгородей. Осенью была снята первая жатва, очень обильная; он мог продать 500 бушелей пшеницы. Вся земля из под посева, около 75 акров, была засеяна озимовой пшеницей, и на следующую весну посеяно еще 40 акров маиса и других хлебов, так что, сняв в 1875 г. около 1,500 бушелей пшеницы, он засеял ею в 1876 г. уже 115 акров. Уже в это время оказалось, что земли на двух взрослых работников мало, весной 1876 г. он купил у соседа переселившегося далее на запад 80 акров по 5 дол. за акр, и в 1877 г. еще 80, уже по 7 дол., так что теперь, в 1878 г. владеет всего 320 акрами земли, снял около 2,500 бушелей пшеницы, рассчитывал засеять ею в 1879 г. около 200 акров и имел уже 6 лошадей, 11 коров, до 80 свиней и все необходимые машины в полном комплекте и единственном своем владении; только молотить приезжает машина американца спекулятора, вздымающего по 3 ц. за бушель пшеницы,

2 ц. за бушель овса я т. д.¹⁾). Так как намалачиваемый Смитом хлеб не убирается уже в верхний этаж его барна, то приходится до продажи свозить его на хранение в элеватор в Ньютоне. Этот элеватор (громадный, многоэтажный амбар) содержится компанией, которая взимает за хранение и страх пшеницы 2 ц. за бушель в первый месяц и по 1 ц. за последующие; при элеваторе состоят выборные оценщики, определяющие качество ссыпаемого хлеба (пшеницы на канзасских рынках 5 номеров) и выдающие вкладчику веррант, который он и продает на рынке, когда ему заблагорассудится.

В 1878 г. у Смита было посеяно 190 акр. озимовой пшеницы, 15 яровой, 60 маису, 8 сахарного тростнику и 12 овса; под усадьбой и садом было 5 акров, остальные 60 были под свиной загородью и пастбищем²⁾). Долги за землю железподорожной компании, за постройку и машины были уже сполна уплочены; оставалась часть долга за купленную уже после землю около 400 долларов, и он рассчитывал, что будет иметь возможность совсем разделаться и с этим долгом в 1879 г. Между тем, ферма его стоит теперь уже 10 дол. за акр, т. е. около 3,000 долларов, да движимости в урожае, скоте и машинах он имеет на такую же сумму—в 4 года из тысячи долларов у него образовалось шесть.

Относительно жизни в своем новом отечестве сравнительно с прежней жизнью в России, все меннониты говорят одинаково, и я предпочитаю передать их взгляд на этот предмет словами Бюлера, с которым я долго и подробно говорил по этому поводу.

¹⁾ Впрочем, молоченье и в старых Штатах производится таким же образом—Фермеру выгоднее заплатить за молоченье известный процент, чем покупать дорогую паровую молотилку.

²⁾ Чтобы несколько пояснить значение количества посева, и приведу из отчета Земледельческого Департамента Соединенных Штатов следующие данные за 1876 г. относительно валовой стоимости урожая с акра посева в Канзасе; акр озимой и яровой пшеницы 12 дол. 55 ц., маиса 10 дол. 44 ц., овса 6 дол. 97 ц., ячменя 10 дол. 57 ц., ржи 8 дол. 94 ц., табаку 70 дол., гречихи 14 дол., картофелю 52 дол. 50 ц. и сахарного тростнику 71 дол. 50 ц.

«Ми», говорил Бюллер, «были вполне довольны своей участью в России, и не желали ничего лучшего. Если-бы не этот закон, который противен и нашей религии, и тем условиям, на которых наши деды приняли русское подданство, мы бы и не подумали об эмиграции. И в России у нас были плодородные земли, но они были тяжелее и труднее поддавались обработке; кроме того, их было сравнительно мало, да и полное отсутствие машин не позволяло увеличить размеров хозяйства; при больших посевах, мы не могли бы своевременно справляться с уборкой хлеба. Там мы часто страдали от засухи; здесь они неизвестны. Дождя здесь очень много; но грозы бывают преимущественно ночью и не мешают нашим работам¹⁾). Здешние урожаи, по крайней мере, вдвое лучше тех, которые мы имели в России, за то здесь цены гораздо ниже, и четверть пшеницы, которую мы продавали в Бердянске по 12 руб., здесь стоит только 4—5 доллар. Там приходилось возить хлеб по ужасной дороге 75 верст до рынка—здесь самое дальнее расстояние не превышает 20 миль, или 30 верст—это то же расчет, так как теперь мы ворацаемся в тот же день, а тогда употребляли на поездку 4 дня, причем увозили зараз только половину того, что увозим здесь. Жизнь и разные предметы потребления здесь гораздо дешевле, вдвое, если не втрое; так, за кофе мы платили в России 40 и 50 коп., здесь 18 и 20 цент, за фунт, который па 1/10 больше русского; за сахар там 20—22 коп., здесь 10—11 цент., за керосин там 10—12 коп., здесь 3—4 цент, за аршин плохого ситца 15—20 коп., здесь 6 цент, за ярд (около 2 1/2 арш.) хорошей бумажной материи; там 1 р. 50 к.—2 руб. за аршин неважного сукна, здесь 45—50 ц. за ярд крепкой шерстяной материи, заменившей в нашей одежде русское сукно. Едим мы здесь гораздо лучше; нам не приходится

1) Канзасские грозы пользуются известностью по всему союзу; действительно, они представляют собою нечто ужасное. Не раз ночью я вскакивал в полной уверенности, что горит вся ферма—все небо бывало залито огнем и дождь лил как из ведра; но к семи часам утра исчезали все признаки свирепствовавшей ночью грозы, небо было совершенно ясно—а к девяти все высыхало и на поверхности не оставалось никаких следов ночного ливня.

делать запасов корму на зиму, и потому мясо и молоко обходится гораздо дешевле—мы всякий день имеем за столом хороший кусок говядины или ветчины, что было невозможно в России, где скот стоил дороже и его продукты составляли существенную статью в наших доходах. В России мы страдали от жучка и сусликов—здесь нашу грозу составляет саранча; впрочем, она прилетает обыкновенно в Августе,¹⁾ когда зерновые хлеба уже убраны, и поедает только листья маиса, так как шишки его бывают в это время уже на столько тверды, что не поддаются ей. В 1876 г. в первый раз после начала колонизации Канзаса, саранча неожиданно прилетела, в мае, и истребила всю пшеницу; сейчас же мы пересеяли наши поля яровыми хлебами и имели хороший урожай.

«В России, чтобы безбедно существовать и иметь каждый день чашку кофе и по праздникам кафтан из порядочного сукна, мы должны были работать круглый год не разгибая спины; возвращаясь домой после пятнадцатичасовой работы с навозными вилами или косой в руках, мы только и думали о том, чтоб поплотней поужинать и завалиться спать, у нас не оставалось времени для умственных интересов и все наши стремления ограничивались только материальной стороной жизни. Мы были довольны, если могли дать нашим детям возможность научиться читать и писать; дальше этого мы не шли; мне неизвестно ни одного примера, чтобы ктонибудь из наших колонистов отдал сына в какоенибудь среднее учебное заведение; образование там было дорого и не по карману нашему брату фермеру. Здесь машины облегчили наш труд; после десятичасовой работы мы чувствуем себя свежими и бодрыми, и вечера наши заняты газетами. Мы живем здесь всего четыре года, а уже газеты, о которых большинство из нас и не слыхало в России, стали нашей насущной потребностью, и многие из наших детей, окончив элементарное образование, учатся в *graded school*²⁾ в Ньютоне; кроме того, как только мы справимся с передрыгой переселения

¹⁾ С 1854 г. Канзасе был 3 раза посещен саранчой.

²⁾ Курс *graded school* в Канзасе составляет нечто в роде курса наших реальных училищ, и считается средним образованием.

в устроимся совсем, мы непременно поставим свое собственное училище с средним курсом — это вопрос решенный, и, если он не приведен еще в исполнение, то виною тому не наша пассивность ¹⁾, а новизна положения и тяжесть других общинных расходов, при платежах за землю и постройки, некоторыми еще не вполне погашенных. Это не значит, что мы можем пожаловаться на тяжесть налогов, напротив, они совершенно ничтожны: прямых государственных налогов мы совсем не знаем, а налоги штата так незначительны, что об них не стоит и говорить, я, напр. плачу всего долларов 7, 8 в год ²⁾ Мы, совсем не занимаемся политикой ³⁾, что составляет один из догматов, нашего религиозного учения; но, видя с каким интересом наша молодежь ходит на митинги и с каким жаром обсуждает она слышанное на них, я опасаюсь, что уже дети наши нарушат чистоту нашего учения, и один из главных его догматов утратить для них свое значение. Да и мы, седые старики, выросшие в самой строгой неподвижности жизни в России, здесь по неволе втягиваемся в чуждые нам доселе интересы, и сам я, пастор

¹⁾ В течении 1876 и 1877 годов в Александерволе были выстроены элементарные школы на каждые 9 секций, след. на каждые 25 — 30 семейств так что теперь нет фермы, которая бы отстояла от школы дальше как на 2 1/2 версты. Постройки эти, с квартирами для учителей и необходимыми инвентарями, обошлись около 800 долларов каждая, след. около 35 дол. на семейство, а Якобу Свиту, владеющему целой полусекцией, 45 дол.

²⁾ Действительно, налоги штата в Канзасе очень незначительны. Он имел в 1865 г. при окончании междоусобной войны, громадный военный долг; к 1 января 1877 г. оставалось этого долга 1.182,175 дол.; в течении 1877 г. было погашено, с процентами, 713,600 дол.; в 1878 г. уплачено еще 468,575 дол., так что в августе этого года всего долгу оставалось 86,075 дол., и 2 следующие месяца должны были совершенно погасить его. Налог штата на каждую наличную душу составлял в 1860 г. 1 д. 60 ц., в 1870 г. 2 д. 22 ц., в 1875 г. 1 д. 37 ц., и в 1877 г. 1 д. 12 ц., и взимается только с тех лиц, имущество которых превышает определенную, свободную от всякого налога, норму.

³⁾ Действительно, все Американцы с которыми мне приходилось говорить о Меннонитах, искренно изумлялись их пассивностью в политических вопросах; во многих округах они составляют безусловное большинство, а между тем не принимают абсолютно никакого участия в выборах, и позволяют управлять собою незначительному меньшинству.

и блюститель нашей религии, не могу не сознать, что здешняя жизнь непременно потребует расширения ее рамок. Возьмите главный предмет наших занятий—земледелие. В России, несмотря на то, что мы несколько не подвигались вперед, не вносили в дело никаких существенных улучшений в течение целых столет, нам нечего было бояться конкуренции; мы все таки были учителями в сельском хозяйстве, и окружающие наши колонии русские крестьяне и сей час еще стоят гораздо ниже нас в этом отношении,—а здесь, на оборот, мы оказались круглыми невеждами, и нам необходимо постоянно учиться и зорко следить за всеми нововведениями, иначе мы постоянно будем отставать от наших соседей, и труд наш, как дома, так и на рынке, будет постоянно ниже оплачиваться, что мы испытываем в настоящее время. Теперь мы еще в состоянии выносить последствия этой отсталости и неумелости, так как нравы наши суровы и потребности наши крайне ограничены—мы считаем роскошью и еще можем обходиться без многого, что составляет существенную необходимость для природных здешних фермеров; но я убежден, что это не на долго, и дети наши уже не в состоянии будут вести спартанскую жизнь своих отцов.

«В России введение жатвенной машины самой простой конструкции было бы для нас необыкновенным событием, которое мы и в десять лет переварили бы с трудом — здесь чуть ли не при каждой уборке хлеба нам приходится браться за новую. Когда мы приехали сюда в 1874 году, мы застали еще обыкновенную косилку—жнею, работу которой приходилось убирать граблями; ее уже сменила машина, укладывавшая сжатый хлеб правильными снопами, которые требовали только вязальщиков — такая машина, при погонщике и 5 вязальщиках, выжинала 15 акров в день, так что вязка снопов, при цене поденщика с содержанием в 3 доллара на день, обходилась по одному доллару на акр. Затем появились машины такой же конструкции, но с платформой для вязальщиков: так что два человека управлялись с тем, на что прежде нужно было пятерых; требовалась только лишняя лошадь, и расход на вязку уменьшился до 50 ц. на акр. В 1876 году явилась самовязущая машина—эта требовала только погонщика и пару лошадей, и расход на вязку сократился почти

до нуля, так как проволоки выходит всего на 20 центов на те 18 акров, которые эта машина выжинает в день. Не успели мы справиться с этой новостью, как нынче появился header — эта машина срезает только колосья, и сама укладывает их в рядом с ней едущий вагон — уничтожился расход па уборку снопов, которая при прежних машинах все таки оставалась главной заботой фермера; кроме того, значительно облегчилось молочение. Такие же перемены происходят ежегодно и в ДЕЛЕ культуры маиса и тростника, да и во всех других отраслях наших занятий — приходится следить за всем этим, ездить на конкурсы и выставки, учиться у американцев-фермеров соседей-наша замкнутость исчезает, и здешняя жизнь незаметно втягивает нас в свою колею. Нам, старикам, это и тяжело, и, подчас, неприятно—мы любим нашу замкнутость, мы привыкли к ней с детства — но молодежь наша весело идет на встречу новым впечатлениям, и старые, дорогие традиции разрушаются с каждым днем.

"Да, нам тяжело было покидать наши старые дома, в которых мы родились и выросли, при виде голой, безлесной прерии, на которой нам пришлось поселиться, мы с грустью вспоминали наши прекрасные сады на Молочной—но теперь прерия обратилась в роскошные поля, маленькие сажены в густые богатые сады—мы с почтением и любовью вспоминаем наши старые пепелища, по мы успели полюбить и наше новое отечество; а дети наши, не умеющие еще ценить старые воспоминания и привязанности, свыклись уже с здешними условиями и едва ли желают чего либо лучшего; не думаю, чтоб хоть один из них вспоминал о далекой России и помышлял бы об обратном путешествии. Нет, мы довольны, и благодарим Создателя за свою судьбу".

На этом я закончу свой очерк. Еслиб читатель пожелал узнать об общем впечатлении, которое производит на посетителя этот возникающий мир, то я скажу, что ни чудеса природы—а я видел и девственные леса тропиков, и Ниагару, и берега Рейна, и Кордильеры—ни чудеса искусства—а я видел Лондон, Париж и Нью-Йорк—ничто, никогда и нигде не приводило меня в такое изумление, как этот маленький, безвестный уголок. Богатые фермы, цветущие города, роскошные школы, многочислен-

ное, энергичное население—на тех местах, где только пять лет тому назад была дикая прерия, паслись буйволы и антилопы да рыскали хищные индейцы; и все это неудержимо—быстро развивается и идет вперед, как нельзя лучше свидетельствуя о том, на что способна человеческая натура при свободе в равенстве всех членов общества.

И. Дементьев.

